

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЭДГАРА ПО

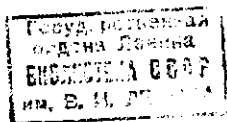
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.

1896

Дозволено цензурою. Спб. 20 Февраля 1896 г.

52976-47.

Редакторъ
Ө. И. Булгаковъ.

Издатель
Г. Ф. Пантелеевъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ.

ПЕРЕВОДЪ М. А. ЭНТЕЛЬГАРДЪ.

Mais il joue? счастливая мысль, впрочемъ, у герцога всегда была превосходная память. Онъ изучалъ «Дьявола» аббата Готье. Тамъ сказано: «que le Diable n'ose pas refuser un jeu d'écarté».

Но шансы, шансы! Конечно, отчаянные! но вѣдь и положеніе отчаянное! Къ тому же развѣ онъ не знакомъ со всѣми секретами, не изучалъ отца Лебрёна, не состоялъ членомъ Клуба Двадцати Одного? Si je perds, — разсуждаетъ онъ, — je serai deux fois perdu, я буду дважды проклятъ, voilà tout! (Тутъ его свѣтлость пожалъ плечами). Si je gagne, je reviendrai à mes ortolans, que les cartes soient préparés!

Его свѣтлость весь забота, весь вниманіе, — его величество весь довѣріе. Посторонній зритель сказалъ бы, что это Францискъ и Карлъ. Его свѣтлость думалъ о ставкѣ. Его величество не думалъ; онъ тасовалъ. Герцога снялъ.

Карты сданы. Козырь открытъ... это... это — король! Нѣтъ... это была дама. Его величество проклялъ ея мужской костюмъ. Де-Л'Омлетъ приложилъ руку къ сердцу.

Они играютъ. Герцога считаетъ. Игра кончена. Его величество считаетъ медленно, улыбается и пьетъ вино. Герцога прячетъ карту.

— C'est à vous à faire, — говоритъ его величество, снимая. Его свѣтлость поклонился, сдаль и всталъ изъ-за стола, en présentant le Roi.

Его величество оторчился.

Если бы Александръ не былъ Александромъ, онъ былъ бы Диогеномъ; такъ и герцога, прощаясь съ своимъ противникомъ, увѣрялъ его, «que s'il n'eût pas été De-L'Omelette il n'aurait point d'objection d'être le Diable».

Продолговатый ящикъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я взялъ мѣсто на почтовомъ пакетботѣ «Независимость», капитанъ Гарди, изъ Чарльстона Ю. К. въ городъ Нью-Йоркъ. Мы должны были отправиться пятнадцатаго іюня, пользуясь попутнымъ вѣтромъ; а четырнадцатаго я явился на судно привести въ порядокъ мою каюту.

Я узналъ, что на кораблѣ будетъ много пассажировъ, особенно дамъ. Въ списокѣ именъ я нашелъ много знакомыхъ, въ томъ числѣ мистера Корнелія Уайатта, молодого художника, съ которымъ меня соединяли узы самой теплой дружбы. Мы были товарищами по К. университету, гдѣ почти все время проводили вмѣстѣ. Онъ обладалъ обычнымъ темпераментомъ генія, представляя смѣсь мизантропіи, чувствительности и энтузіазма. Эти качества соединялись у него съ самымъ нѣжнымъ и вѣрнымъ сердцемъ, какое когда-либо билось въ человѣческой груди.

Имя его значилось на трехъ каютахъ, и обратившись снова къ списку, я узналъ, что онъ взялъ мѣста для себя, своей жены и двухъ сестеръ. Каюты были довольно просторныя, и въ каждой имѣлось по двѣ койки, одна надъ другой. Разумѣется, койки были такъ узки, что въ каждой помѣщался только одинъ человекъ, но я все-таки не могъ понять, зачѣмъ понадобились три каюты для четырехъ пассажировъ. Я находился въ томъ брѣзгливомъ настроеніи духа, когда человекъ упрямо привязывается къ мелочамъ, и со стыдомъ признаюсь — началъ строить самыя нелѣпыя и неумѣстныя предположенія относительно лишней каюты. Совсѣмъ это до меня не касалось; но тѣмъ не менѣе, я упорно старался разрѣшить эту загадку. Наконецъ, я нашелъ рѣшеніе, такое простое, что удивился, какъ оно не пришло мнѣ въ голову раньше. «Лишняя каюта, безъ сомнѣнія, для прислуги, — подумалъ я, — какъ я глупъ, что не догадался объ этомъ сразу!» Тутъ я снова обратился къ списку, но увидалъ, что никакой прислуги Уайаттъ съ собой не бралъ, хотя и намѣревался, повидимому, взять сначала, такъ какъ въ спискѣ стояли зачеркнутыя слова «съ прислугой». — Ну, какой-нибудь особенный багажъ, который онъ не хочетъ сдавать въ трюмъ, а намѣренъ оставить подъ своимъ присмотромъ, — да, да, конечно... картина или что-нибудь въ этомъ родѣ... вотъ о чемъ онъ торговался съ итальянскимъ евреемъ Николино. — Это рѣшеніе удовлетворило меня, и я пересталъ думать о загадкѣ.

Сестеръ Уайатта я хорошо зналъ; обѣ были очень милыя и неглупыя дѣвушки. Женился онъ очень недавно и я еще ни разу не видалъ его жены. Впрочемъ, онъ часто вспоминалъ о ней въ моемъ присутствіи, и всегда съ восторгомъ. По его словамъ, она отличалась необыкновенной красотой, умомъ и образованіемъ. Въ виду этого, мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ ней.

Узнавъ отъ капитана, что Уайаттъ съ своими спутницами тоже собирался навѣстить корабль четырнадцатаго, я рѣшилъ подождать, въ надеждѣ познакомиться съ его женой. Но онъ прилепалъ записку съ увѣдомленіемъ, что «Мистриссъ Уайаттъ не совсѣмъ здорова, почему они явятся на корабль завтра передъ отъѣздомъ».

На другой день, отправившись на пристань, я встрѣтился съ капитаномъ Гарді, который сообщил мнѣ, что «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ» (глупая, но шаблонная фраза) корабль отправится только черезъ день или два, и когда все будетъ готово, онъ увѣдомитъ меня». Это показалось мнѣ страннымъ, такъ какъ дулъ свѣжій попутный вѣтеръ; но «обстоятельства», о которыхъ я тщетно старался вывѣдать что-нибудь, не подчинялись моей волѣ, и мнѣ оставалось только вернуться домой и справляться съ своимъ нетерпѣніемъ, какъ умѣю.

Я не получала ожидаемаго увѣдомленія отъ капитана въ теченіе недѣли. Въ концѣ концовъ, однако, оно явилось и я немедленно отправился въ гавань. Пассажиры были уже въ сборѣ, стояла обычная суматоха отъѣзда. Уайаттъ явился минутъ черезъ десять послѣ меня, съ двумя сестрами и женой. Художникъ былъ въ обычномъ мизантропическомъ настроеніи. Я, впрочемъ, слишкомъ привыкъ видѣть его такимъ, чтобы обращать вниманіе на это обстоятельство. Онъ даже не представилъ меня своей женѣ; эту формальность исполнила его сестра, очень милая и умная дѣвушка, познакомившая насъ въ немногихъ словахъ.

Лицо мистриссъ Уайаттъ было закрыто густой вуалью, и когда она подняла ее, отвѣчая на мой поклонъ, я, признаюсь, глубоко изумился. Я былъ бы еще болѣе изумленъ, если бы продолжительный опытъ не научилъ меня относиться съ нѣкоторымъ недоверіемъ къ восторженнымъ описаніямъ моего друга-художника, когда дѣло шло о женской красотѣ. Я зналъ, что въ этихъ случаяхъ онъ легко поддавался иллюзіи.

Дѣло въ томъ, что мистриссъ Уайаттъ обладала самой ординарной наружностью. Не будучи положительно дурнушкой, она не далеко ушла отъ этого. Во всякомъ случаѣ, одѣта она была съ замѣчательнымъ вкусомъ, — и безъ сомнѣнія, плѣнила моего друга достоинствами ума и сердца, болѣе прочными, чѣмъ физическая красота. Она сказала всего нѣсколько словъ и тотчасъ спустилась въ свою каюту съ мистеромъ Уайаттомъ.

Ко мнѣ вернулось прежнее любопытство. Прислуги не было, — на этотъ счетъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Я сталъ поджидать багажа. Немного погодя, въ гавань явилась телега съ продолговатымъ сосновымъ ящикомъ, за которымъ, повидимому, стояло все дѣло. Тотчасъ по прибытіи его мы отплыли, и вскорѣ вышли въ открытое море.

Какъ я уже сказалъ, ящикъ былъ продолговатой формы. Въ длину онъ имѣлъ около шести футовъ, въ ширину два съ половиной. Я осмотрѣлъ его внимательно, такъ какъ люблю точность во всемъ. Форма у него была особенная, и при первомъ взглядѣ я рѣшилъ, что моя догадка справедлива. Если припомнить читатель, я предположилъ, что мой другъ художникъ везетъ съ собой какія-нибудь картины или картину, такъ какъ въ послѣднее время онъ имѣлъ дѣла съ Николино. Судя по формѣ ящика, въ немъ могла заключаться только копія съ «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи, а мнѣ извѣстно было, что копія «Тайной Вечери» работы Рубини младшаго, дѣйствительно находилась нѣкоторое время въ рукахъ Николино. Итакъ, я счелъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ и порадовался своей проницательности. До сихъ поръ Уайаттъ ни-

когда не скрывалъ отъ меня секретовъ, относившихся къ его искусству, но теперь, очевидно, вознамѣрился провести меня и препроводить прекрасную картину въ Нью-Йоркъ подъ самымъ моимъ носомъ потихоньку. Я рѣшилъ хорошенько посмѣяться надъ нимъ теперь и послѣ.

Одно обстоятельство смутило меня. Ящикъ не былъ поставленъ въ лишнюю каюту. Его помѣстили въ каютѣ самого Уайатта, гдѣ онъ и остался, занявъ почти весь полъ—безъ сомнѣнія, къ немалому неудобству художника и его жены, тѣмъ болѣе что смола или краска, которой была сдѣлана надпись на ящикѣ, издавала сильный, неприятный и, по моему, даже отвратительный запахъ. На крышкѣ были выведены слова: «Мистриссъ Аделаидѣ Куртисъ, Альбани, Нью-Йоркъ. Отъ Корнелія Уайатта, эсквайра. Верхняя сторона. Обращаться осторожно».

Мнѣ было извѣстно, что мистриссъ Аделаида Куртисъ, въ Альбани,—теща художника, но я считалъ весь этотъ адресъ мистификаціей, имѣвшей въ виду отвести мнѣ глаза. Я былъ увѣренъ, что ящикъ не поѣдетъ дальше мастерской моего мизантропическаго друга въ Чамберсъ-Стритъ, въ Нью-Йоркъ.

Въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ дней плаванія погода стояла прекрасная, хотя вѣтеръ перемѣнился на южный, лишь только мы потеряли изъ вида берегъ. Пассажиры были въ веселомъ и общительномъ настроеніи духа. Впрочемъ, я долженъ сдѣлать исключеніе для Уайатта и его сестеръ, которые относились къ остальной публикѣ сухо и почти невѣжливо. Поведеніе Уайатта меня не удивляло. Онъ былъ мрачнѣе чѣмъ когда либо—почти угрюмъ—но я привыкъ къ его эксцентричностямъ. Что касается его сестеръ, то ихъ поведеніе казалось мнѣ непростительнымъ. Онѣ почти все время сидѣли въ своей каютѣ и, несмотря на всѣ мои старанія, рѣшительно отказывались отъ знакомства съ кѣмъ-либо изъ пассажировъ.

Мистриссъ Уайаттъ была гораздо любезнѣе. Точнѣе сказать, она была боязлива, а это большое достоинство на морѣ. Она подружилась со всѣми дамами и, къ моему крайнему изумленію, выказывала недвусмысленныя поползновенія кокетничать съ мужчинами. Она очень забавляла всѣхъ насъ. Я говорю забавляла—не знаю какъ бы это объяснить. Дѣло въ томъ, что смѣялись чаще надъ нею, чѣмъ вмѣстѣ съ нею. Мужчины мало говорили о ней, но дамы вскорѣ порѣшили, что она «добренькая, довольно простая, совершенно невоспитанная и, положительно, вульгарная». Всѣ удивлялись, какъ могъ Уайаттъ убить такого бобра. Наконецъ рѣшили, что его соблазнило богатство,—но я зналъ, что это вздоръ. Уайаттъ говорилъ мнѣ, что она не принесла ему ни доллара и не

ожидала никакого наслѣдства. «Онъ женился, — таковы были его собственные слова — по любви и только по любви.» Вспоминая эти слова, я, признаюсь, терялся въ недоумѣніяхъ. Какъ могъ онъ дойти до такого ослѣпленія? Какъ объяснить это? Онъ, такой тонкій, процидательный, съ такимъ изысканнымъ вкусомъ и пониманіемъ прекраснаго! Положимъ, она, повидимому, была безъ ума отъ него, — что проявлялось въ особенности въ его отсутствіи, — когда она смѣшила насъ, постоянно цитируя слова своего «возлюбленнаго супруга, мистера Уайатта.» Слово «супругъ» — по ея собственному, изящному выраженію, всегда было «на кончикѣ ея языка». Между тѣмъ всѣ пассажиры замѣтили, что онъ рѣшительно избѣгалъ ея, и большею частью сидѣлъ одинъ въ своей каютѣ, гдѣ оставался почти все время, предоставляя женѣ развлекаться, какъ знаетъ, въ каютѣ-компаніи.

Изъ всего мною видѣннаго и слышаннаго я вывелъ заключеніе, что художникъ, въ силу какого-то каприза судьбы или въ порывѣ необдуманной и слѣпой страсти, женился на женщинѣ, стоявшей гораздо ниже его, и что результатъ этого брака — полное и быстрое разочарованіе — былъ уже на лицо. Я пожалѣлъ его отъ всей души, но не могъ простить ему скрытность относительно «Гайной Вечери.» За эту скрытность я рѣшился отплатить ему.

Однажды онъ вышелъ на палубу и я, взявъ его подъ руку, сталъ расхаживать съ нимъ взадъ и впередъ. Его мрачное настроеніе (весьма естественное при подобныхъ обстоятельствахъ) казалось рѣшительно непобѣдимымъ. Онъ говорилъ мало, угрюмо и съ очевиднымъ усиленіемъ. Я отпустилъ двѣ-три шутки, вызвавшія на его лицѣ грустную улыбку. Бѣдняга! — вспоминая о его женѣ, я не удивлялся, что онъ не въ силахъ даже притвориться веселымъ. Наконецъ я рѣшился приступить къ дѣлу. Я намѣревался путемъ осторожныхъ намековъ и двусмысленныхъ замѣчаній относительно продолговатаго ящика дать ему понять, что вовсе не сдѣлался жертвой его забавной мистификаціи. Для начѣла я сказалъ что-то объ особенной формѣ этого ящика, — причѣмъ лукаво усмѣхнулся, подмигнувъ и слегка толкнувъ его пальцемъ въ бокъ.

Впечатлѣніе, произведенное на Уайатта этой невинной шуткой, разомъ убѣдило меня, что я имѣю дѣло съ сумасшедшимъ. Сначала онъ уставился на меня, точно не могъ понять соль моего замѣчанія; но по мѣрѣ того, какъ она уяснялась ему, глаза его выкатывались изъ орбитъ. Онъ побагровѣлъ, — потомъ страшно поблѣднѣлъ — и, наконецъ, залмился громкимъ и шумнымъ смѣхомъ, который, къ моему изумленію, длился, постепенно усиливаясь, минутъ десять или болѣе. Въ заключеніе онъ тяжело грохнулся на палубу. Когда я кинулся поднимать его, онъ казался мертвымъ.

Я кликнулъ на помощь и мы съ большимъ трудомъ привели его въ чувство. Опомнившись, онъ забормоталъ что-то безсвязное. Мы пустили ему кровь и уложили его въ постель. На другое утро онъ совершенно оправился, по крайней мѣрѣ, физически. Я не говорю, конечно, о его душевномъ состояніи. Съ этого дня я сталъ избѣгать его, по совѣту капитана, который, повидимому, раздѣлялъ мое мнѣніе насчетъ его помѣшательства, но просилъ не говорить объ этомъ никому.

Различныя обстоятельства, послѣдовавшія за припадкомъ Уайатта, усилили мое недоумѣніе и любопытство. Между прочимъ, слѣдующее: нервы мои расходились, я пилъ слишкомъ много зеленого чая и плохо спалъ по ночамъ, собственно говоря, не спалъ вовсе двѣ ночи. Каюта моя сообщалась съ главной каютой или столовой, также какъ помѣщеніе остальныхъ одинокихъ пассажировъ. Три каюты Уайатта помѣщались въ заднемъ отдѣленіи, сообщавшемся съ столовой посредствомъ выдвижной двери, никогда не замыкавшейся даже на ночь. Такъ какъ мы постоянно шли подвѣтромъ, и довольно сильнымъ, то корабль наклонялся на подвѣтренную сторону. Когда на подвѣтренной сторонѣ оказывался правый бортъ, выдвижная дверь между каютами открывалась и оставалась въ такомъ видѣ, такъ какъ никто не бралъ на себя труда закрыть ее. Когда моя дверь была открыта, (а она всегда была открыта влѣдствіе духоты), я могъ съ своей койки видѣть все, что происходило въ заднемъ отдѣленіи, именно въ той части его, гдѣ находились каюты мистера Уайатта. И вотъ я дважды въ безсонныя ночи (не слѣдовавшія одна за другой) видѣлъ, какъ мистриссъ Уайаттъ, около одиннадцати часовъ, прокрадывалась изъ каюты мужа въ запасную каюту, гдѣ и оставалась до утра, когда возвращалась обратно въ каюту Уайатта. Очевидно, они фактически разошлись, и занимали отдѣльныя каюты, въ ожиданіи формальнаго развода. Такъ объяснилась мнѣ тайна лишней каюты.

Было и другое обстоятельство, крайне заинтересовавшее меня. Оба раза, въ упомянутыя безсонныя ночи, тотчасъ по удаленіи мистриссъ Уайаттъ въ запасную каюту, вниманіе мое было привлечено страннымъ, осторожнымъ, глухимъ шумомъ въ каютѣ ея мужа. Прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ, я, наконецъ, объяснилъ себѣ причину этихъ звуковъ. Они происходили оттого, что Уайаттъ открывалъ продолговатый ящикъ съ помощью долота и молотка, обвернутаго какой-нибудь мягкой шерстяной или бумажной матеріей, чтобы заглушить шумъ.

Я могъ даже, какъ мнѣ казалось, опредѣлить моментъ, когда крышка была снята и положена на нижнюю койку; это я узналъ по легкому звуку крышки о деревянныя края койки, хотя Уайаттъ

старался положить ее какъ можно тише. Послѣ этого наступала мертвая тишина, и оба раза я не слыхалъ ничего до самаго разсвѣта, если не считать легкихъ и слабыхъ звуковъ, напоминавшихъ глухое подавленное рыданіе или вздохи, и, по всей вѣроятности, порожденныхъ моимъ воображеніемъ. Я говорю, что они пох одили на рыданія или вздохи, но, разумеется, ни тѣхъ, ни другихъ не могло быть. Я склоненъ думать, что у меня просто шумѣло въ ушахъ. Безъ сомнѣнія, Уайаттъ предавался въ это время артистическому восторгу, такіе припадки случались съ нимъ часто. Онъ открывалъ ящикъ, чтобы насладиться созерцаніемъ художественнаго сокровища. Тутъ не было повода для рыданій. Повторяю, эти звуки были пороженіемъ моей фантазіи, разстроенной зеленымъ чаемъ добрейшаго капитана Гарди. Передъ самымъ разсвѣтомъ мистеръ Уайаттъ закрывалъ ящикъ и вколачивалъ гвозди на прежнія мѣста. Затѣмъ онъ выходилъ изъ каюты одѣтый и стучался къ мистриссъ Уайаттъ, которая и возвращалась къ нему.

Мы были уже педѣлю въ морѣ и миновали мысъ Гаттерасъ, когда поднялся страшный вѣтеръ съ юго-запада. Мы до нѣкоторой степени приготовились къ этому, такъ какъ погода хмурилась въ теченіе послѣднихъ дней. Паруса были убраны сверху до низу, и такъ какъ вѣтеръ крѣпчалъ, то мы, наконецъ, легли въ дрейфъ, оставивъ только контръ-бизань и фокъ-зейль на двойныхъ рифахъ.

Въ такомъ положеніи мы оставались двое сутокъ, выдерживая бурю довольно благополучно, — судно оказалось превосходнымъ пловцомъ и ни разу не черпнуло воды. Въ концѣ концовъ, однако, вѣтеръ превратился въ ураганъ, нашъ задній парусъ изорвало въ клочки, и рядъ чудовищныхъ валовъ окатилъ палубу. При этомъ мы потеряли трехъ матросовъ, камбузь и почти всю обшивку лѣваго борта. Не успѣли мы придти въ себя, какъ передній парусъ тоже былъ сорванъ. Тогда мы подняли штурми-стаксель и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ кое-какъ справлялись съ волненіемъ.

Ураганъ, однако, свирѣпствовалъ по прежнему и не было надежды на затишье. На третій день, около пяти часовъ пополудни свалилась бизань - мачта. Болѣе часа мы тщетно старались отдѣлаться отъ нея, чтобы уменьшить страшную качку, но прежде чѣмъ намъ удалось это, въ трюмѣ набралось на четыре фута воды. Въ довершеніе всего, помпы испортились и почти не дѣйствовали.

Поднялась страшная суматоха, пассажиры были въ отчаяніи, однако мы попытались облегчить корабль, выбросивъ за бортъ весь грузъ, который могли достать и срубивъ двѣ остальные мачты. Это намъ удалось, но съ помпами мы не могли справиться, а между тѣмъ вода быстро прибывала.

На закатѣ вѣтеръ значительно ослабѣлъ, волненіе уменьши-

лось и у насъ явилась слабая надежда на спасеніе въ лодкахъ. Въ восемь часовъ вечера тучи разсѣялись и показалась полная луна, немало ободрившая насъ.

Послѣ невѣроятныхъ усилій мы спустили большую шлюпку, въ которую уѣли матросы и большая часть пассажировъ. Они отплыли немедленно и, претерпѣвъ немало лишеній, добрались благополучно до Окракокъ - Инлетъ на третій день послѣ карабле-крушенія.

Капитанъ съ тринадцатью пассажирами остался на кораблѣ, рѣшившись довѣрить свою судьбу маленькой шлюпкѣ, находившейся на носу. Мы спустили ее безъ особенныхъ затрудненій, хотя я считаю истиннымъ чудомъ, что она не перевернулась, очутившись на поверхности моря. Въ ней помѣстились: капитанъ съ женой, мистеръ Уайаттъ съ своими спутниками, мексиканскій офицеръ съ женой и четырьмя дѣтьми, я и слуга-негръ.

По недостатку мѣста мы могли захватить съ собой только самые необходимые инструменты, немного провизіи, да платье, которое было на насъ. Никому и въ голову не пришло пытаться спасти что-нибудь изъ вещей. Каково же было наше изумленіе, когда, на разстояніи нѣсколькихъ фатомовъ отъ корабля, мистеръ Уайаттъ всталъ и объявилъ капитану Гарди, что лодка должна вернуться и захватить его длинный ящикъ.

— Садитесь, мистеръ Уайаттъ, — отвѣчалъ капитанъ довольно рѣзко, — вы опрокините лодку, если не будете сидѣть смирно. Мы и то уже въ водѣ по самые борта.

— Ящикъ! — воскликнулъ Уайаттъ, — говорю вамъ, ящикъ! Капитанъ Гарди, вы не можете, вы не захотите отказать мнѣ. Онъ вѣситъ немного, пустяки, чистые пустяки. Именемъ матери, родившей васъ, именемъ любви Божіей и надежды на спасеніе, умоляю васъ вернуться за ящикомъ.

Повидимому, капитанъ былъ тронутъ этой страстной мольбой художника, но тотчасъ оправился и сурово отвѣтилъ:

— Мистеръ Уайаттъ, вы сумасшедшій. Я не могу послушаться васъ. Садитесь, или вы опрокините лодку. Стой... держите... схватите его! онъ бросится за борты!.. Ну... такъ и зналъ... бросился!

Дѣйствительно, Уайаттъ выскочилъ въ море, и такъ какъ мы находились съ подвѣтренной стороны корабля, успѣлъ добраться до него съ почти нечеловѣческими усилиями и схватиться за канатъ, висѣвшій съ палубы. Секунду спустя онъ былъ на кораблѣ и какъ сумасшедшій ринулся въ свою каюту.

Тѣмъ временемъ насъ отнесло за корму корабля и мы сдѣлались игрушкой бурнаго моря. Мы напрягали всѣ усилія, стараясь

вернуться къ кораблю, но наша лодка носилась какъ перышко по волѣ вѣтра. Мы убѣдились, что участь несчастнаго художника рѣшена.

Насъ относило все дальше и дальше, когда мы увидѣли сумасшедшаго (я не могъ иначе объяснить его поступковъ), который показался на палубѣ, таща съ собою, съ поистинѣ гигантской силой, продолговатый ящикъ. Внѣ себя отъ изумленія мы видѣли, какъ онъ обмоталъ веревкой сначала ящикъ, потомъ себя самаго. Еще минута, и ящикъ и тѣло были въ морѣ, и разомъ пошли ко дну.

Въ теченіе нѣкотораго времени мы оставались на мѣстѣ, не спуская глазъ съ того пункта, гдѣ исчезъ несчастный. Потомъ налегли на весла и отплыли отъ корабля. Молчаніе длилось около часа. Наконецъ я рѣшился нарушить его.

— Замѣтили вы, капитанъ, какъ быстро они пошли ко дну? Не правда-ли, странная вещь? Я, признаться, еще не терялъ надежды на его спасеніе, видя, что онъ привязалъ себя къ ящику.

— Немудрено, что они пошли ко дну, — возразилъ капитанъ. — Они всплывутъ опять, но не прежде чѣмъ растаетъ соль.

— Соль! — воскликнулъ я.

— Тсс!.. — отвѣчалъ капитанъ, указывая на жену и сестеръ покойнаго. — Мы поговоримъ объ этомъ въ болѣе удобное время.

Мы испытали много лишеній и едва ускользнули отъ гибели; но судьба сжалась надъ нами, какъ и надъ нашими товарищами въ большой шлюпкѣ. Послѣ четырехдневныхъ страданій мы высадились, полумертвые отъ истощенія, на берегу противъ Ронкъ-Айлендъ. Тутъ мы провели недѣлю и наконецъ нашли случай добратся до Нью-Йорка.

Спустя мѣсяць послѣ кораблекрушенія, я встрѣтился съ капитаномъ Гарди на Бродуэй. Мы естественно разговорились объ этомъ печальномъ приключеніи и въ особенности о жалкой участи бѣдняги Уайатта. Капитанъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности.

Художникъ взялъ каюты для себя, жены, двухъ сестеръ и горничной. Жена его была дѣйствительно рѣдкая красавица и умница. Утромъ 14 іюня (въ тотъ день, когда я впервые явился на корабль) она внезапно заболѣла и умерла. Молодой мужъ почти помѣшался отъ горя, но обстоятельства не позволяли ему отложить путешествіе въ Нью-Йоркъ. Необходимо было доставить тѣло его обожаемой жены ея матери, а съ другой стороны предрасудки не давали ему возможности сдѣлать это открыто. Девять десятыхъ пассажировъ скорѣе отказались бы отъ путешествія, чѣмъ поѣхали въ общество мертваго тѣла.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи капитанъ Гарди посоветовалъ набальзамировать тѣло и, уложивъ его въ соответственныхъ размѣровъ ящикъ засыпать солью и вести подъ видомъ багажа. Никто не зналъ о смерти мистриссъ Уайаттъ, но всѣмъ было извѣстно, что она должна ѣхать съ мужемъ. Въ виду этого необходимо было, чтобы кто-нибудь взялъ на себя ея роль во время переезда. Горничная покойной согласилась на это. Лишняя каюта, предназначавшаяся для нея, такъ и осталась за нею. Въ ней мнимая жена проводила ночи; днемъ же исполняла, какъ умѣла, роль барыни, съ которой никто изъ пассажировъ не былъ знакомъ. Мои недоразумѣнія естественно объясняются моимъ легкомысліемъ, любопытствомъ и скоропалительностью. Но какъ ни какъ, теперь я плохо сплю по ночамъ. Я вижу лицо, которое преслѣдуетъ меня неотвязно. Слышу истерическій смѣхъ, который вѣчно будетъ звучать въ моихъ ушахъ.

Король Морь.

(Сказка съ аллегоріей).

Боги допускаютъ и одобряютъ въ короляхъ то, что преслѣдуютъ въ черни.

Buckhurst's Tragedy of Ferrex and Porrex.

Около двѣнадцати часовъ ночи, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ героическое царствованіе третьяго Эдуарда, два моряка, принадлежавшіе къ экипажу «Free and Easy», торговой шкуны, плававшей между Слэйсомъ и Темзой, а въ то время стоявшей на якорѣ, въ устьѣ этой рѣки, — въ своему крайнему изумленію очутились въ харчевнѣ прихода Сентъ-Эндрьюсъ въ Лондонѣ, — харчевнѣ подъ вывѣской «Веселаго Матроса».

Харчевня, плохо меблированная, почернѣвшая отъ дыма, лизенькая — тѣмъ не менѣе вполне удовлетворяла своему назначенію въ глазахъ странныхъ посѣтителей, сидѣвшихъ группами по разнымъ угламъ.

Самую занимательную, если не самую замѣтную изъ этихъ группъ представляли два упомянутые матроса.

Тотъ, который казался старше и котораго товарищъ величалъ характернымъ прозвищемъ «Снасти», былъ и самый высокій изъ двоихъ. Онъ былъ шести съ половиной футовъ ростомъ, и естественнымъ послѣдствіемъ такой чудовищной высоты являлась сутуловатость. Впрочемъ, излишество роста съ лихвой возмѣщалось недостатками въ другихъ отношеніяхъ. Онъ былъ неимоверно голецъ, и, по увѣренію товарищей, могъ бы замѣнить въ пьяномъ видѣ вым-

Содержаніе II тома.

	СТР.
Повѣсть о приключеніяхъ Артура Гордона Пима	5
Могущество словъ	132
Бесѣда Моноса и Уны	135
Разговоръ Эйроса и Харміоны	143
Тѣнь (притча)	147
Молчаніе (басня)	149
Пропшествоіе въ Іерусалимѣ	152
Пропшествоіе въ Скалистныхъ горахъ	155
Очки	164
Герцогъ де-Л'Омлетъ	183
Продолговатый ящикъ	186
Король Моръ (сказка съ аллегоріей)	195
Три воскресенья на одной недѣлѣ	204
Чортъ на баннѣ	210
Знаменитость	216
Человѣкъ толпы	221
Никогда не закладывай чорту свою голову (сказка съ моралью).	228
«Это ты!»	236
Сфинксъ	247
Разговоръ съ муміей	251
Лягушенокъ	264
Четыре звѣря въ одномъ	272
Бонъ-Бонъ	278
Система доктора Деготъ и профессора Перье	291
Литературная жизнь м-ра Какбишь Васъ, эскв., издателя «Биле- берды», описанная имъ самимъ	305
Какъ писать статьи для «Blackwood»	321
Трагическое положеніе	329
Мистификація	337

	Стр.
Жульничество, какъ одна изъ точныхъ наукъ	344
Ангель Необычайнаго	352
Mellonta Tauta	360
Потеря дыханія	371
Дѣловой человѣкъ	381
Человѣкъ, котораго взрубили на куски	389